

О пользе коллекционирования марок

*Владимир
Амалицкий*

Анна Амалицкая

Теории преходящи –
коллекции вечны

*Естественнонаучная
народная мудрость*

Широко известное высказывание великого Эрнста Резерфорда:

«Все науки о Природе делятся на физику и коллекционирование марок»
вот уже век как вызывает детскую обиду у особо впечатлительных представителей
«неполноценных» биологии, геологии и тому подобных.

При этом как-то упускают из виду, что сказано сие было ироничным Резерфордом
по случаю присвоения ему Нобелевской премии по химии (а не по физике):
его «трансмутации урана» в ту пору проходили по химическому ведомству.

Впрочем, более спокойные представители «не-гвардейских наук»
(по терминологии выдающегося палеонтолога Сергея Викторовича Мейена)
спокоен веку пожимали на этом месте плечами в режиме еще не родившегося
в ту пору интернетного мема: «Коллекционирование марок? Вы так говорите,
будто в этом есть что-то плохое!»

Коллекционирование (не только марок) и вправду есть прекрасное и душеполезное занятие, а европейская наука Нового времени в значитель-

ной части и возникла-то во всякого рода «кунштов камерах» – просто из необходимости раскладывать собранные там диковинки по полочкам в некотором осмысленном порядке. Кроме того, собрания те очень хочется пополнять (это уже входит в число

Кирилл Еськов – старший научный сотрудник
Палеонтологического института РАН

фундаментальных рефлексов любого коллекционера — регулируемых, подзреваю, не корой больших полушарий, а каким-нибудь продолговатым мозгом), а для этого требуется уже и некоторая прогностика: «Где искать?» В этой связи мне кажется уместным поведать одну в высшей степени назидательную историю, касающуюся возникновения Палеонтологического института Академии наук с его блестящей научной школой (каковой институт, если кто не в курсе, исторически возник как некая «научная надстройка» над Палеонтологическим музеем — ведущим, в свой черед, свою родословную от Петровской Кунсткамеры), и о роли, которую сыграл в тех событиях «великий коллектор» профессор Амалицкий — оставшийся в истории отечественной и мировой науки фигурой яркой, а в чем-то и романтической.

«Владимир Прохорович Амалицкий родился 1 июня 1860 г. в имении Старики недалеко от Житомира. Отец его, Прохор Герасимович, принадлежал к старинному шляхетскому роду, а мать, Елизавета Васильевна, происходила из обедневшей ветви княжеского рода Полубинских. По отцовской

линии они были родственниками семьи Куторга, к которой принадлежали несколько выдающихся российских ученых, в том числе знаменитый естествоиспытатель, профессор Степан Семенович Куторга (1805–1861) и историк античности профессор Михаил Семенович Куторга (1809–1886).

В 1879 году В.П. Амалицкий окончил гимназию и поступил на физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (по естественному разряду). Геологией он увлекся еще в студенческие годы; учителями его на этом поприще стали основатель научного почвоведения профессор Василий Васильевич Докучаев (1846–1903) и создатель геологических кабинета и музея Санкт-Петербургского университета профессор Александр Александрович Иностранцев (1843–1919). Имя последнего Амалицкий увековечит позднее в названии открытого им хищного ящера-горгонопса *Inostrancevia*.

Окончив университет и защитив кандидатскую диссертацию «Химический анализ южнорусских гранитов» (1883), Амалицкий получил приглашение Докучаева в комплексную экспедицию по оценке земель Нижегородской гу-

бернии. (Одним из тех, с кем он работал в той Докучаевской экспедиции, был Петр Федорович Бараков (1858–1919), избранный позднее за заслуги по изучению климата России членом-корреспондентом Императорской академии наук и награжденный большой серебряной медалью Императорского Русского географического общества – отец Николая Петровича Баракова (1905–1943), героя-подпольщика из Краснодона, памятного нам всем по книге Фадеева «Молодая гвардия».) По результатам той работы Амалицкий защитил в 1887 году магистерскую диссертацию «Отложения пермской системы Окско-Волжского бассейна», а в 1892 году – докторскую: «Материалы к познанию фауны пермской системы России». С 1889 года Владимир Прохорович, будучи уже приват-доцентом, читал курс лекций по палеонтологии в Петербургском университете, а в 1890 году получил назначение на должность профессора кафедры геологии Императорского Варшавского университета: блестящая научная и преподавательская карьера.

Именно по ходу тех экспедиционных работ в Нижегородской губернии Амалицкий впервые столкнулся со сложной геологической проблемой, которая в известном смысле предопределила главное направление всей его дальнейшей научной деятельности. Первым объектом его изучения стали «пестрые рухляки» – красноватые песчаники и мергели (осадочные породы), обильно представленные в тех местах. Эти отложения оставались загадкой для геологов: «немая» толща, не содержащая каких-либо животных или растительных остатков, которые могли бы рассказать о времени и условиях ее формирования. Амалицкому посчастливилось почти сразу обнаружить в тех отложениях раковины двусторчатых моллюсков-антракозий, характерных для позднепермского времени. Проблема, однако, состояла в том, что моллюски эти оказались совершенно непохожими на антракозий из пермских отложений Западной Европы!

Чтобы правильно «привязать» свои сборы из Нижегородской, а также

Вологодской и Олонецкой* губерний к геохронологической шкале, Амалицкий предпринял поездку в Европу и тщательно изучил палеонтологические коллекции ведущих тамошних музеев. Удача пришла к нему в Британском музее в Лондоне: его пермские моллюски из северной России оказались очень похожими на тех, что были недавно найдены английскими геологами в Южной Африке, в пустыне Карру. Определенное сходство наблюдалось и с пермскими антракозиями из другой части Британской империи — из Индии. Схожей оказалась и сама структура вмещающих отложений.

Для объяснения этого странного сходства Амалицкий выдвинул гипотезу о том, что в пермском периоде север Восточной Европы, Африка и Индия формировали единый континент с единой пресноводной фауной, и континент тот был изолирован морем от Западной Европы (где пресноводная фауна — своя). Научное сообщество, как ему и положено, проявило здоровый консерватизм и встретило революционную идею в штыки. Единодушный вердикт коллег гласил: «Для столь радикального пересмотра общепринятой палеогеографии палеозоя — нескольких ракушек маловато!» Следовало искать дополнительные аргументы в пользу своей гипотезы — чем Амалицкий тут же и занялся.

Он обратил внимание на то, что, помимо его моллюсков-антракозий, те отложения из Карру содержат растения («глоссоптерисовую флору», характерную для всего Южного полушария) и позвоночных (амфибий и рептилий). Значит, для доказательства территориального единства России с Южной Африкой следует найти у нас глоссоптерисовую флору, а еще лучше — соответствующих древних ящеров: вот это уже будет аргумент, против которого не поспоришь!

С 1895 года Амалицкий начал ежегодные экспедиционные работы на Северной Двине, Сухоне и Вытегре,

* Так в Российской империи называлась нынешняя Карелия.

по берегам которых имеются обширные выходы «пестрых рухляков». Экспедиции снаряжались им за свой счет («финансирование открыли» ему лишь постфактум, когда открытие было уже сделано и обнародовано). Постоянной спутницей Владимира Прохоровича была его жена, Анна Петровна Амалицкая (1868—1939); о ней следует сказать особо.

Анна Петровна была дочерью генерала от кавалерии Курдюмова. Она родилась в Павловске под Санкт-Петербургом, получила образование в рисовальной школе Петербургского общества поощрения художеств, а затем поступила на отделение иностранной литературы Бестужевских высших женских курсов. Анна Петровна с первых дней включилась в работу Амалицкого, помогала ему в художественном оформлении и переводе на иностранные языки его статей и монографий, а затем стала его бессменным коллектором. Именно она, уже после смерти Амалицкого, сумеет организовать в одиночку, в сложнейших условиях послереволюционной разрухи, эвакуацию с Северной Двины оставшихся там находок.

Работа была тяжелой. Сплаваясь на нанятой лодке с двумя гребцами по практически безлюдным северным рекам, Амалицкие исследовали десятки выходов пермских отложений; поначалу всё было впустую. Владимир Прохорович позже описывал эти путешествия со свойственным ему юмором:

«Так путешествовали мы с женой каждое лето с 1895 по 1898 г., привыкли к гнусу и мошкаре, приспособились при самых скудных питательных средствах и при громадном аппетите иметь обед и ужин (я умалчиваю об его достоинствах), выучились под проливным дождем раскладывать костер, а при сильной буре находить на реке такие «гавани», где наша лодка была в совершенной безопасности, и мы спали в ней так же спокойно, как у себя дома; мы узнали цену самого обыкновенного комфорта и перестали даже понимать, как можно быть неврастениками. Климат на севере хотя и очень

неприятный, но, вероятно, очень здоровый, ибо мы ни разу не испытали никакой простуды, хотя приходилось жить на реке, то есть в постоянной сырости и туманах».

Эти северные края называли в ту пору «Великим геологическим безмолвием». Здесь работали прежде целых три экспедиции крупнейших геологов – Кейзерлинга, Барбота де Марни (Николая Павловича?) и Мурчисона (того самого, что ввел в науку само понятие «пермская система», давшее позднее имя последнему периоду палеозойской эры), – которые пытались найти в здешних «немых» толщах хоть какие-нибудь ископаемые; все они потерпели неудачу. Амалицкий оказался то ли упорнее, то ли удачливее своих великих предшественников: во второй своей экспедиции, в 1896-м, он нашел вполне приличного качества флору (в том числе окаменевшие древесные стволы), ископаемых рыб и несколько изолированных позвонков древних рептилий, а в третьей (1897) – открыл на Северной Двине неподалеку от Котласа богатейшее местонахождение пермских рептилий Соколки.

«Поймав старательский фарт» в Соколках, ученый оказался перед нелегким выбором: то ли обстоятельно продолжать раскопки, то ли спешить в Петербург, где должен был вот-вот начаться VII Международный геологический конгресс, и обнародовать свои предварительные (хотя и вполне убедительные) результаты. Амалицкий выбрал последнее – и, похоже, опять угадал. Впрочем, даже и добраться до Петербурга оказалось не так-то просто: лето выпало аномально жаркое и сухое, Северная Двина обмелела до того, что пароходы перестали ходить, и обратное путешествие с собранной коллекцией превратилось в отдельное приключение.

Появление Амалицкого на Международном конгрессе стало триумфальным. Собравшиеся там специалисты ознакомились с собранной им коллекцией и согласились с его выводами. Исследователь южноафриканских пермских рептилий про-

фессор Г. Сили внес коррективы в собственный доклад на конгрессе, подтверждая наличие в сборах Амалицкого дицинодонтов и парейазавров – характерных представителей позднепермской фауны Южной Африки. Ведущие палеоботаники А. Сьюорд и М.Р. Цейллер отметили несомненное сходство растений из России с позднепермской флорой материков Южного полушария (Гондваны). Гипотеза Амалицкого о материковых связях между Россией, Южной Африкой и Индией, населенных единой фауной и флорой, получила весомое подтверждение; за свой вклад в палеонтологию он был тогда избран в Лондонское Королевское общество.

Было у того триумфа и важное практическое следствие: работы Владимира Прохоровича получили, наконец, финансовую поддержку. Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей и Министерство народного просвещения выделили Амалицкому по 500 рублей на следующую экспедицию, а после ее окончания покрыли перерасход в 490 рублей: без этих денег начать масштабные и технически очень сложные раскопки в Соколках было бы просто невозможно. В июне 1899 года профессор арендовал там кусок земли, нанял местных крестьян (тогдашние расценки – «три копейки и стакан водки в день») и приступил к работам, которые продолжались (с перерывами от 1905 до 1908 годов) до 1914 года.

Результаты раскопок были поразительны. В декабре 1901 года Владимир Прохорович прочитал в Петербурге доклад, в котором сообщал: «За три года раскопок добыто до 4000 пудов конкреций, которые кроме отдельных костей могут доставить до 40 цельных скелетов... В устроенной на средства, отпущенные С.-Петербургским обществом естествоиспытателей, палеонтологической лаборатории отпрепарированы в настоящее время 8 скелетов больших пресмыкающихся». Для транспортировки той коллекции понадобились тогда 2 железнодорожных вагона; добытыми же за все

годы конкрециями, как подсчитано, можно было бы заполнить целый железнодорожный состав! Столь масштабных раскопок позвоночных на территории России (и СССР) не было ни до, ни после.

Мало того: открытие Амалицкого послужило толчком для дальнейшего (и в высшей степени успешного) изучения в России пермских рептилий (в особенности – зверозубых). Было открыто множество новых местонахождений и описано множество новых форм, сильно изменивших представления об эволюции рептилий вообще. На их изучении сделали себе имя многие исследователи, заслуженно числящиеся ныне классиками палеонтологии (И.А. Ефремов, П.К. Чудинов, Л.П. Татаринов и др.). И если пытаться определить, в чем состоит главный вклад российской палеонтологии в мировую (в чем, если так можно выразиться, состоит наше место в этом «международном разделении труда»), то пермские рептилии приходят на ум одними из первых.

Отпрепарированные и смонтированные Амалицким скелеты палеозойских рептилий (что представляло собой отдельную, труднейшую задачу) были в 1914 году переданы Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей Геологическому музею Академии наук и составили там так называемую «Северодвинскую галерею». Для работы с этой уникальной, не имевшей себе в мире равных, коллекцией, в Музее был создан Osteологический отдел – который в дальнейшем, в результате разнообразных переустройств, развился в отдельный Палеозоологический (позже – Палеонтологический) институт АН СССР. Так что в некотором смысле у истоков ПИНа стоит все тот же Амалицкий.

Завершая рассказ о вкладе Владимира Прохоровича в отечественную и мировую науку, следует упомянуть вот еще о чем. Обратившись к современным сочинениям по палеонтологии, вы обнаружите, что никакого «материка, объединяющего Россию, Африку и Индию», на нынешних палеогеогра-

фических картах – нет; что открытые Амалицким пермские голосеменные представляют собой совершенно отдельную группу татариновых, имеющих лишь поверхностное сходство с южнополушарными глоссоптерисовыми; что современная классификация ископаемых моллюсков оперирует совершенно иным набором признаков, и восточноевропейские антракозии опять-таки лишь сходны (но не родственны) с африканскими и индийскими... Так что же, выходит, что все теоретические основания, которыми Амалицкий руководствовался в своих, в высшей степени успешных, поисках, оказались неверны?! Да, это действительно так.

История эта представляет немалый интерес именно с точки зрения истории науки: как можно иной раз достичь вполне содержательного результата, базируясь на совершенно ошибочных гипотезах (ошибался в данном случае не лично Владимир Прохорович, а, как мы помним из эпизода с Международным конгрессом, все тогдашнее научное общество – но в обсуждаемом нами аспекте это совершенно несущественно). Как бы то ни было, теоретические построения Амалицкого представляют ныне сугубо исторический интерес, тогда как уникальная «Северодвинская галерея» из скелетов парейазавров и иностранцевий по сию пору украшает собой залы Палеонтологического музея Академии наук (и, как мы помним, послужила, в некотором смысле, толчком к возникновению реально высококлассной научной школы).

А вот теперь представьте себе, что Амалицкому, при начале его поисковых работ в «великом геологическом безмолвии», передали бы, посредством некоей машины времени, «правильный» университетский учебник по палеогеографии из 2000 года. Хватило бы у него после этого упорства и благородного безумия три года ковыряться в пустых слоях?

Совершенно не факт.